

Перед уходом старший из гостей, господин Чэнь, приказал выбрать в лавке множество высококачественных принадлежностей для письма и бумаги, которые обычно редко пользовались спросом.

Слуги осторожно вынесли шкатулки, и за считанные мгновения было потрачено несколько десятков лян серебра, словно покупка этих вещей была всего лишь формальностью.

Управляющий Лю, хоть и не был сведущ в поэзии и литературе, прекрасно понимал, что такие траты — результат того, что гости провели время с удовольствием.

На следующий день господин Чжоу снова посетил Юнхэчжай.

Накануне он до ночи читал книгу путевых заметок, которая как раз содержала ответы на вопросы, давно его мучившие. Однако, поскольку эта книга была малоизвестной, ему не с кем было поделиться своими мыслями, что заставило его почувствовать себя одиноким. Поэтому рано утром он снова отправился в Юнхэчжай.

Сун Минфэй не был человеком этой эпохи, поэтому его взгляды и идеи отличались от общепринятых. Господин Чжоу, беседуя с ним, находил это новым и увлекательным, и их разговор затянулся на несколько часов.

После этого дня господин Чжоу, казалось, нашел редкого единомышленника и стал часто навещать в Юнхэчжай, будь то утром или вечером. Он не задерживался надолго, но всегда находил время поговорить с Сун Минфэем.

Летом дожди шли часто, и в такие дни на пристани не было работы. Линь Фань оставался дома, занимаясь починкой их старенького домика.

Во время редких прояснений он заделывал протекающие места, нанося глину и укладывая черепицу. Линь Фань не был профессионалом, но его усилий хватало, чтобы продержаться какое-то время, избавившись от ночного капанья воды и необходимости ставить миски для её сбора.

Маленькие овощи, посаженные ранее, незаметно выросли, но из-за того, что оба они с утра до ночи были заняты, сорняки снова заполонили грядки, закрывая собой овощи.

В дождливые дни в Юнхэчжае было мало посетителей, и Сун Минфэй был занят делами. Сегодня хозяин Цю вернулся из поездки и отпустил Сун Минфэя раньше с работы.

Вернувшись домой, Сун Минфэй увидел Линь Фаня, который, одетый в дождевик, вырывал сорняки на грядке. Его почти двухметровый рост делал его движения особенно неуклюжими.

— Нужна помощь? — Сун Минфэй, держа зонт, стоял на краю грядки.

— Не надо, почти закончил. — С этими словами Линь Фань протянул Сун Минфэю маленький голубой гриб.

Гриб был крошечным, с шляпкой, которая в центре была темно-синей, а к краям светлела, что делало его похожим на ядовитый:

— Что это за гриб? Съедобный?

— Вырос на грядке, не знаю, можно ли его есть, но он красивый, оставил тебе посмотреть. —

Линь Фань продолжал вырывать сорняки, время от времени отбирая некоторые из них и складывая в корзину.

— Почему ты их отбираешь?

Не участвуя в работе, Сун Минфэй не уходил, а оставался рядом, держа в руках маленький гриб.

— Это дикие овощи с грядки. Я их отобрал, чтобы потом ты набрал воды и мы их почистим. Вечером я приготовлю их.

Сказав это, Линь Фань ускорился, быстро обработав последний участок грядки.

— Что это за овощи? Как их готовить?

Под навесом дома они сидели напротив корзины, и Сун Минфэй, держа в руках зеленый дикий овощ, обратился к Линь Фаню.

— Это цицай, весной едят корни, они сладковатые. Сейчас корни уже старые, поэтому обрываем листья. Это муравьиная трава... — Линь Фань обрывал верхушки и кончики, оставляя только молодые листья, и продолжал объяснять Сун Минфэю, как готовить другие овощи.

Мелкий дождь шелестел, и корзина была уже наполовину полна. Линь Фань смотрел на человека перед собой, и ему невольно вспомнилось прошлое.

— Если бы два месяца назад мне сказали, что я буду здесь с тобой собирать овощи, я бы не поверил. На самом деле, перед встречей на вечере выпускников я давно не слышал о тебе, только знал, что ты уехал за границу.

— Да, родители всегда хотели, чтобы я учился за рубежом. — Сун Минфэй сделал паузу перед ответом.

Они прожили здесь больше месяца, но редко вспоминали прошлое, в основном потому, что после того, как их отношения испортились, их поступки были слишком глупыми, чтобы о них говорить. Остальные десять лет они вообще не пересекались.

Однако Линь Фань все еще хотел знать, почему Сун Минфэй внезапно отдалился от него.

Но внезапный стон прервал все их разговоры, и Линь Фань забыл о том, что собирался спросить.

Некоторые люди от природы имеют нежную кожу. После месяца тяжелой работы у Сун Минфэя появились мозоли, но на его руках не было ни одного загрубевшего участка. Зато осколки ракушек, долго скрывавшиеся в земле, легко проткнули его пальцы, и кровь сразу же выступила наружу.

Маленькая ранка не беспокоила Сун Минфэя, и он собирался продолжить сбор овощей, но Линь Фань не позволил ему этого, быстро убрав корзину в сторону.

— Не надо, я сам закончу. Ты лучше пойдешь обработай рану.

Без холодильника свежее мясо долго не хранится, и дома осталась только солонина. Линь Фань замочил её и приготовил начинку.

Тесто вращалось в его руках, и тонкие лепешки выходили из-под его пальцев. Линь Фань сидел на кане, ловко раскатывая тесто, а на другом конце кана Сун Минфэй неумело лепил пельмени.

В любом деле есть свои мастера, но Сун Минфэй, хоть и был сообразительным в других делах, никак не мог научиться лепить пельмени.

Из трех пельменей два разваливались, и последний Линь Фань пришлось лепить вместе с ним, держа его руки своими.

К счастью, Линь Фань был терпелив и не жалел ингредиентов. После того как Сун Минфэй испортил с десятков пельменей, он наконец смог слепить что-то похожее на пельмень.

Внешний вид пельменей имел значение только до того, как они попадали в кипящую воду. После этого они все выглядели одинаково.

— Минфэй, принеси мне таз из-под стола, я забыл его взять. — Линь Фань держал шумовку, полную пельменей, и белый бульон капал на пол. Он не мог пошевелиться и был вынужден позвать Сун Минфэя.

Сун Минфэй чистил чеснок на улице и, услышав голос, на мгновение замер. Возможно, из-за дождя он не понял, что это Линь Фань его зовет, и продолжил чистить чеснок. Только когда голос раздался снова, он взял таз и поспешил внутрь.

— Можно так тебя называть? Если не привыкнешь, я перестану. — Пельмени были уже в тазу, и Линь Фань вышел помочь с чесноком, заодно спросив у Сун Минфэя.

С другими людьми Линь Фань обращался как хотел, но с Сун Минфэем он всегда был осторожен, поэтому до сих пор называл его по полному имени, что создавало ощущение отчужденности.

— Мне все равно, как тебе удобно.

Сун Минфэй не показывал никаких эмоций, сосредоточенно чистя чеснок. Линь Фань решил следовать своим чувствам и продолжил называть его так.

Соевый соус, уксус и мелко нарезанный чеснок — Линь Фань не стал делать острую приправу, так как у Сун Минфэя были проблемы с желудком, и приготовил только чесночный соус.

— Минфэй, попробуй, не знаю, вкусно ли получилось с солониной. — Пельмени немного остыли, и Линь Фань, не дожидаясь, пока накроют стол, сразу налил Сун Минфэю миску, намеренно повторяя его имя, словно хотел, чтобы тот быстрее привык.

Сун Минфэй позволил Линь Фаню повторять его имя, взял миску и вышел на улицу, затем взял один пельмень и положил его в рот.

Пельмени с цицаем были полны начинки, и при первом укусе из них вытекал сок. Начинка была плотной и вкусной, а осознание того, что они сделаны своими руками, добавляло особого удовольствия.

Мелкий дождь шел несколько дней, и к вечеру превратился в сильную бурю. Ночью порыв ветра распахнул окно, и Линь Фань проснулся, чтобы закрыть его.

Обычно Сун Минфэй спал чутко и всегда первым реагировал на любые звуки, но сейчас, когда окно открылось, он не шевелился.

Почувствовав что-то неладное, Линь Фань повернулся и дотронулся до лба Сун Минфэя. Его ладонь ощутила холодный пот.

— Живот снова болит? — тихо спросил он.

— Нет. — В голосе Сун Минфэя слышалось, как он старался держать себя в руках.

За окном вспыхнул свет, и человек рядом с ним вздрогнул. Линь Фань понял, в чем дело, и больше не говорил, а просто лег напротив Сун Минфэя, накрыв его глаза одеялом, и заговорил только после того, как гром стих:

— Ты боишься грома? С детства?

Сун Минфэй под одеялом покачал головой, и Линь Фань уже думал, что тот не станет объяснять, но Сун Минфэй заговорил.

— В детстве я часто оставался один дома. Однажды во время грозы я смотрел телевизор, и он взорвался прямо передо мной, потом начался пожар. С тех пор остался страх.

— В детстве? Сколько тебе тогда было? — Голос Линь Фаня звучал успокаивающе, но в его тоне все же чувствовались эмоции.

— Лет семь или восемь.

Линь Фань больше не спрашивал. Он знал кое-что о семье Сун Минфэя. Его родители были заняты карьерой и не уделяли внимания ребенку. После развода его отдали на воспитание бабушке и дедушке.

За все три года старшей школы на родительских собраниях присутствовал только дедушка. Его родители ни разу не появились.

Шестнадцати-семнадцатилетние мальчики и девочки — это возраст, когда они еще не понимают границ и бывают резкими. Когда они начинают испытывать неприязнь к кому-то, их слова и поступки становятся острыми, как ножи.

<http://bllate.org/book/16922/1558192>